

На правах рукописи

**Погасий
Анатолий Кириллович**

**КОНКУРЕНТНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДИСКУРСЫ
В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ
РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ**

**Специальность 09.00.14
Философия религии и религиоведение**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Санкт-Петербург – 2013

Работа выполнена на кафедре философии Автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Научный консультант:

доктор философских наук, доцент
Прилуцкий Александр Михайлович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Кантеров Игорь Яковлевич,
ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Институт переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук, профессор кафедры философии;

доктор философских наук, профессор
Смирнов Владимир Иванович
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина», профессор кафедры гуманитарных и философских наук;

доктор социологических наук, доцент
Смирнов Михаил Юрьевич,
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», доцент кафедры философии религии и религиоведения.

Ведущая организация:

ЧОУ ВПО «Русская христианская гуманитарная академия»

Защита состоится 17 апреля 2013 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 800.009.01 при Автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университета им. А. С. Пушкина» по адресу: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И. Н. Мочалова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Появление конкурентных религиозных дискурсов, вызывающих социокультурные изменения и приводящих в большинстве случаев к церковным разделениям, свидетельствует о наличии в религиозной сфере противоречий, провоцирующих межконфессиональные и межэтнические конфликты, и является одним из важнейших факторов изменения религиозной ситуации, как на глобальном, так и на локальном уровнях. Несмотря на процессы глобализации и активное развитие мирового рынка, секуляризацию и либерализацию общества, выстраивание парадигмы «общества потребления» и другие подобные процессы, свидетельствующие о кризисе духовности в социокультурном пространстве, прежде всего, западной культуры, религиозный фактор продолжает играть существенную роль в жизни общества, а социально-религиозные изменения остаются одним из элементов этого влияния.

История показывает, что любые изменения внутри христианства отражаются на жизни социальных и национальных общностей. Например, неприятие некоторыми епископами и богословами установления Халкидонского собора 451 г. породило появление т. н. Древневосточных церквей (монофизитства), которые отделились от остального мирового христианства и до настоящего времени являются национальными церквями для ряда стран. Казалось бы, какая связь между догматическими спорами внутри церкви и отношениями между государствами? Тем не менее, она есть и весьма существенная. К примеру, духовные и социально-политические последствия «Великого раскола» XI в. – разделения ранее единой Церкви на Восточную и Западную, а также Реформации XVI в. – до сих пор определяют мировоззрение сотен миллионов человек и культуру Старого и Нового Света.

Феномен христианства всегда вызывал интерес у исследователей. Если раньше его изучали, в основном, богословы, то с середины XIX в., с появлением религиоведения, христианство стало предметом исследования философии, истории, культурологии, социологии, психологии и т.д. Однако такому важному явлению как церковные разделения, и, следовательно, предшествующим им конкурентным религиозным дискурсам, вызывающим социально-религиозные изменения, до настоящего времени со стороны ученых не уделяется достаточно внимания. Не исследованы причины появления конкурентных

религиозных дискурсов и специфика их воздействия на развитие социально-политических ситуаций. Разумеется, специалисты, ведущие исследования в разных областях религии, в той или иной степени затрагивают указанную проблему, но в основном в рамках своего научного интереса – применительно к политике, экономике, социологии и т.д., либо в рамках изучения государственно-конфессиональных отношений, но не рассматривают дискурсную составляющую церковных разделений как сущностное явление. Собственно же церковные расколы в русском православии интересуют только богословов и церковных историков, но лишь с конфессиональных позиций и в апологетических целях. Тем не менее, их вклад в изучение этой проблемы, включая в качестве одной из важнейших составляющих конкурентный религиозный дискурс, на сегодняшний день остается весьма значительным, он актуализирует в целом указанную научную проблематику.

Таким образом, учитывая важность для отдельных регионов и всего мирового сообщества последствий конкурентных религиозных дискурсов, приобретает особую актуальность необходимость изучения внутренних и внешних причин этого явления.

Степень изученности проблемы. Осознание реальности влияния религии и церкви на общество издавна подталкивало исследователей к изучению этого феномена. В начале этим занимались философы – до относительно недавнего времени единственные, кто пытался, несмотря на противодействие церковных кругов и (или) существующие идеологические стереотипы, проанализировать отдельные аспекты государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений с критических позиций. Со второй половины XIX в. процессами, происходящими во взаимоотношениях религии и общества, заинтересовались социологи, психологи, антропологи, представители других отраслей знания.

Применительно к русскому православию тему связи конфессиональных разделений и общественных процессов в разные периоды затрагивали многие отечественные ученые, в том числе – Н. М. Никольский¹, С. Н. Булгаков², А. И. Клибанов³, Н. С. Гордиенко⁴, А. Левитин-Краснов⁵, Д. В. Поспеловский⁶,

---

¹ Никольский М.Н. История русской церкви. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1988.

² Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Соч. в 2 т. – М., 1993. – Т. 2.

³ Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973.

⁴ Гордиенко Н.С. Современное русское православие. – Л.: Лениздат, 1987; Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Особенности модернизации современного русского православия. – М.: Знание, 1978; Гордиенко Н.С. Российские свидетели Иеговы: история и современность. – СПб, 2000.

М. И. Одинцов⁷, И. Я. Кантеров⁸, М. В. Шкаровский⁹. В 2003 г. вышла книга А. А. Однорала «История церковных разделений. Россия – XX век»¹⁰. С конца 1990-х годов по данной теме был защищен ряд диссертаций. К таковым можно отнести диссертации Д. В. Сафонова «Патриарх Тихон и советская власть (К проблеме государственно-церковных отношений в 1922-1925 гг.)»; А. С. Степанова «Обновленческий раскол как средство антицерковной политики советской власти в 1922-1923 гг.»; С. П. Шестакова «Расколы в Русской Православной Церкви в 1924-1926 гг.» и ряд других.

Однако все вышеуказанные ученые в основном касались темы религиозных разделений применительно к исследованиям государственно-конфессиональных отношений, не затрагивая всей гаммы их смыслов в историческом, экклезиологическом и богословском отношениях. Исключение может составить кандидатская диссертация К. Н. Самошонкова «Религиозный конфликт как объект социально-философского анализа», где автор рассмотрел религиозный конфликт как мировой социально-религиозный феномен, дал ему определение и сформулировал причины возникновения¹¹. Отчасти природу религиозных конфликтов в православии исследовали в своей книге «Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви» В. И. Буганов и А. П. Богданов¹².

Существующие научные работы показывают, что целенаправленные религиозоведческие исследования церковных разделений как таковых (предпосылки, непосредственные причины, поводы, ход, сопутствующие факторы, типология и т.д.) еще только начинаются. В этой связи необходимо отметить работы А. Н. Лещинского, который вплотную подошел к данной проблеме и пред-

---

⁵ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Материалы по истории Церкви. – Кн. 9. – М.: Изд. Крутицкого Патриаршего Подворья, 1996.

⁶ Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. – М.: Изд. Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996.

⁷ Одинцов М.И. Русские патриархи XX века: судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. – Ч. 1. – М.: Изд. РАГС, 1999.

⁸ Кантеров И.Я. «Деструктивные, тоталитарные» и далее везде // Десять лет по пути свободы совести. Проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельность религиозных объединений: материалы научно-практического семинара / Под ред. А.В. Пчелинцева и Т.В. Томаевой. – М.: Институт религии и права, 2002. – С. 30-38; Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в России (Религиоведческий анализ). – М., 2007.

⁹ Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. – СПб.: НЕСТОР, 1999.

¹⁰ Однорал А. А. История Церковных разделений. Россия – XX век. – Пятигорск, 2003.

¹¹ Самошонков К.Н. Религиозный конфликт как объект социально-философского анализа: Дис. ...канд. филос. наук. – М., 2004.

¹² Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. – М.: Политиздат, 1991.

ложил типологию разделений в православии¹³. Что касается анализа конкурентных религиозных дискурсов, то этот вопрос не входил в сферу его научных интересов.

Таким образом, можно констатировать, что в отечественной науке наличествует определенный интерес к данной теме: он проявляется, прежде всего, в том, что отдельные аспекты религиозного дискурса получили научное освещение, критически проинтерпретированы многие источники, церковные и государственные документы, сделаны попытки теоретического осмысления специфики развития церковных институтов. Однако комплексного религиоведческого исследования феномена конкурентных религиозных дискурсов выполнено не было.

Объектом исследования является *социально-историческая эволюция религиозных институтов*.

Предметом исследования выступают *конкурентные дискурсы как факторы социально-религиозных изменений русского православия* в историческом и современном социокультурных контекстах.

Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть *специфику возникновения и развития конкурентных религиозных дискурсов в социально-исторической эволюции русского православия*

В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие **задачи**:

– определить содержание понятия «конкурентный религиозный дискурс», его объем и специфику в контексте социально-исторической эволюции религиозных институтов;

– исследовать социальный контекст, в котором возникают предпосылки формирования конкурентных религиозных дискурсов на материале христианства;

– проанализировать внешние и внутренние причины социально-религиозных изменений, сопровождающих конкурентные религиозные дискурсы, приведшие к разделению православия в средневековой, новой и новейшей истории России;

---

¹³ Лещинский А.Н. Альтернативное православие в религиозной ситуации // Свобода совести, нравственность и ответственность в Российском обществе - Заокский: Источник жизни, 2006. – С. 220-237; Лещинский А.Н., Погасий А.К. Типологизация и классификация церковных разделений в христианстве // Религиоведение. – 2010. - № 2. – С. 91-101.

- рассмотреть последствия появления и функционирования конкурентных религиозных дискурсов для христианской церкви и мирового сообщества в целом;
- выявить критерии определения социально-религиозных изменений в социокультурной эволюции Русской Православной Церкви по масштабам, качеству и целям;
- исследовать причинно-следственные связи между определенными факторами внутри конкурентного религиозного дискурса и социокультурными явлениями в целом;
- обосновать полученные выводы на примере конкурентных дискурсов в Русской Православной Церкви XX – XXI вв.;
- предложить классификацию церковных расколов по причинам, условиям и результатам.

Гипотеза исследования. Конкурентные религиозные дискурсы, возникая из совокупности конфессиональных системно-структурных отношений, определяют содержание религиозных трансформаций и приводят к церковным разделениям, образованию новых организационных форм религиозной жизни. Аналитика конкурентных религиозных дискурсов дает возможность прогнозирования и профилактики социально-политических конфликтов с религиозной подоплекой.

Методологическая база исследования. Указанные выше цель и задачи определили методологическую базу диссертации. Настоящее исследование выполнено в рамках комплексного подхода к изучению генезиса исторических явлений, осмысленного с религиозоведческих позиций. Специфика данного подхода заключается в том, что здесь сочетаются методология философско-религиоведческого анализа в изучении религиозных феноменов с комплексом общенаучных (исторический, логический, метод типологизации, классификации), а также специально-исторических (структурно-системный, хронологический, синхронный, сравнительно-исторический, дескриптивный) методов.

В основу исследования положен принцип историзма. Он позволил рассмотреть объект изучения – эволюцию религиозных институтов – в динамике социально-исторического процесса, осмыслить последствия этого процесса для церкви, общества, государства, культуры, дал возможность проследить его влияние на все стороны жизни общества.

Помимо приведенных, автор применяет к исследованию конкретных расколов новый, находящийся в стадии активной методологической полемики, ситуационный подход, нацеливающий ученого на исследование единичного, неповторимого, рассматриваемого в контексте того общего, которое складывается из конкретных ситуаций¹⁴.

Источниковая база исследования включает в себя широкий спектр материалов. Это труды философов, историков и социологов XVI – XX в., в той или иной степени затрагивающие религиозные вопросы и, в частности, тему церковных расколов; современные исследования по истории русского православия, проводившиеся российскими и зарубежными светскими учеными-историками; работы конфессиональных православных историков церкви; труды современных российских ученых, непосредственно занимающихся проблемой церковных расколов; диссертации, посвященные новейшей истории Русской Православной Церкви и защищенные уже в постсоветский период.

В работе использовались материалы периодической печати, как светской (партийной, государственной прессы СССР и современной России), так и церковной («Журнал Московской Патриархии», епархиальные вестники, периодическая печать Российской Зарубежной Церкви), мемуарная литература.

Для решения поставленных задач привлекались архивные материалы: фонды Государственного архива Российской Федерации, Центрального государственного архива Республики Татарстан, архива Санкт-Петербурга и др. Большую помощь в исследовании оказали опубликованные в 1990-ые г. документы из различных архивных фондов. В частности, составленный Г. Штриккером и изданный им в 1995 г. в двух частях сборник архивных материалов «Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991)», раскрывающих государственно-церковные отношения; двухтомник «Архивы Кремля. Политбюро и Церковь 1922-1925», а также изданный Библейско-Богословским Институтом св. апостола Андрея сборник документов «Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917-1941».

Для наиболее полной характеристики современного русского православия в исследовании использованы материалы сайтов православных церквей различных юрисдикций, информационных агентств, религиоведческих научных центров и т.п.

---

¹⁴ Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход // По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – 188 с.; Вып. II: Типология ситуаций. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2006. – 152 с.

Научная новизна исследования состоит в том, что данная работа впервые рассматривает феномен церковных разделений с точки зрения религиозного семиозиса, что позволяет осуществить комплексный религиоведческий анализ конкурентных религиозных дискурсов.

В процессе диссертационного исследования получены следующие результаты:

– представлена авторская концепция конкурентных религиозных дискурсов, в которой они рассматриваются не только в качестве определенных событий в истории церкви, но в совокупности структурно-системных отношений как сложный социокультурный феномен;

– с религиоведческих позиций осмыслен исторический фон эволюции русского православия, на котором развиваются предпосылки появления конкурентных дискурсов, вызывающих социально-религиозные изменения, приводящие, в свою очередь, к церковным разделениям (расколы XIV – XVII вв., а также в новейшей истории России); выявлены онтологические причины и условия таких изменений;

– выявлены закономерные связи между конфликтными явлениями внутри христианства и изменениями в социально-политической жизни отдельных стран и регионов мира;

– подтверждена причинно-следственная связь между религиозными трансформациями и распространением христианства как количественно, так и географически;

– представлена и обоснована авторская точка зрения на ряд религиоведческих терминов и понятий, связанных с темой исследования (конфессия, деноминация, секта, культ и др.), уточнено их содержание;

– впервые разработана и предложена классификация причин и социально-культурных последствий церковных расколов в христианстве.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Конкурентные религиозные дискурсы представляет собой сложное, многоаспектное явление, неизбежно возникающее в пространстве развитой религиозной организации под влиянием как вероучительных, так и экстра-религиозных предпосылок (процессов социальной динамики, отношений соперничества в границах социокультурного пространства и др.).

2. Для изучения феномена конкурентных дискурсов в православии необходим как общенаучный подход, так и особая методология, включающая

в себя элементы не только философского, исторического, социологического, но также и богословского анализа, учитывая специфическое влияние религиозной мысли на русскую ментальность.

3. Появление конкурентных дискурсов есть результат диалектического раскрытия противоречий, накопившихся внутри религиозного сообщества, испытывающего влияние со стороны социальных, культурных, экономических, политических и геополитических факторов. В свою очередь последствия конкурентных религиозных дискурсов в виде церковных разделений отражаются как на внутренней жизни религиозных организаций, так и на судьбах народов и стран. Данный тезис подтверждается всей историей христианства.

4. Несмотря на негативное отношение в конфессиональной среде к конкурентным дискурсам, в особенности вызвавшим радикальные социально-религиозные изменения – расколы, последние объективно способствуют количественному росту и географическому распространению христианства. Данное утверждение справедливо и для других религий.

5. Религиоведение призвано не только исследовать феномен конкурентных религиозных дискурсов с целью выработки новых знаний, но и сформировать определенный инструментарий для корректного мониторинга религиозной ситуации, имея в виду профилактику социально-негативных последствий некоторых процессов, способствующих нагнетанию религиозного фанатизма и экстремизма.

6. Причины и условия социально-религиозных изменений, в частности, церковных разделений, имеют общий характер. Однако, при рассмотрении конкретного случая обнаруживаются особенности, обусловленные, чаще всего, национально-культурным фоном. Появление конкурентных дискурсов в русском православии определяется как общим в случае аналогичных явлений в других странах и конфессиях комплексом причин и условий, так и спецификой социального контекста России в разные исторические периоды.

7. Ранее не законченные социально-религиозные изменения, независимо от времени, прошедшего с начала таких изменений, необходимо завершаются, как только устраняются препятствующие им причины. Примером, рассмотренным в диссертации, являются изменения в русском православии начала XX в., завершившиеся в постсоветский период.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации разработана непротиворечивая и подтвержденная фактическим материалом философско-религиоведческая концепция, раскрывающая специфику конкурентных религиозных дискурсов как предшественников социально-религиозных изменений. Классификация социально-религиозных изменений в форме церковных расколов вносит вклад в теоретическое религиоведение и служит для понимания и прогнозирования религиозных ситуаций в обществе. Материалы диссертации углубляют научные знания о специфике диалектического развития церковных институтов, дают возможность теоретических обобщений, значимых для философии религии.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при определении и реализации внутренней (и внешней) политики, особенно в многонациональных и поликонфессиональных регионах, сталкивающихся с проблемами межрелигиозных взаимодействий. Полученные результаты найдут конкретное применение при разработке муниципальных программ развития в обществе толерантности, профилактики экстремизма, ксенофобии и фанатизма. Представленные в диссертации материалы и сделанные обобщающие выводы могут использоваться в преподавании ряда религиоведческих дисциплин, таких как «История религий», «История мировых религиозных культур», «Религиоведение», «Философия религии» и др., а также в курсе «Государственное и муниципальное управление» в образовательных учреждениях различного уровня.

Апробация полученных материалов. Результаты исследований, представленные в данной диссертации, были заслушаны и обсуждены на научных конференциях различного уровня – международных, региональных, межвузовских, среди них: Всероссийская междисциплинарная научная конференция «Социум в преддверии XXI века: итоги пройденного пути, проблемы настоящего и контуры будущего» (Йошкар-Ола, 1999); Международная научная конференция «К культуре мира – через диалог религий, диалог цивилизаций» (Омск, 2000); Международная научная конференция «Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии» (СПб, 2002); Казанская международная научно-богословская конференция «“Конец мировой истории” и современное состояние общественного сознания» (Казань, 2002); IV Российский философский конгресс «Философия и будущее цивилизации» (Москва, 2005); VII – XI Международные научные конференции «Государство, общество, цер-

ковь в истории России XX века» (Иваново, 2008 – 2012); Международная научно-практическая конференция «Социальные функции религии в условиях модернизации общества: XXI век» (Москва, 2011); Всероссийская научно-практическая конференция «Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий» (Казань, 2011); Международная научно-практическая конференция «Новые вызовы свободе совести в современной России» (Москва, 2012) и др.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, состоящих из девяти параграфов, заключения и списка литературы, включающего в себя 438 наименований.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** изложена общая характеристика работы, обосновано значение и актуальность темы, определены объект и предмет исследования, поставлены цели и задачи, показаны методологические подходы к изучению истории русского православия, представлена источниковая база диссертации. Также Введение содержит анализ степени религиоведческой изученности проблемы, показаны хронологические и территориальные рамки исследования, освещается новизна положений и выводов диссертации.

Первая глава «Концепция конкурентных религиозных дискурсов» посвящена определению основных понятий, используемых для достижения цели диссертационного исследования: «религиозный дискурс», «конкурентный религиозный дискурс», «социально-религиозные изменения», «раскол», «схизма» и др.; в этой главе также представлен в рамках истории мирового христианства обзор большинства крупных церковных расколов, вызванных конкурентными дискурсами.

1.1. Конкурентный религиозный дискурс: понятие и содержание. Базовое понятие, в рамках которого происходит реализация цели исследования, – *религиозный дискурс*. Учитывая, что трактовка самого термина «дискурс», используемого в лингвистике, философии, литературоведении, искусствоведении, семиотике, культурологии, психологии и т.п., до настоящего времени еще не признана устоявшейся, каждое научное направление, дисциплина или школа предлагает свое понимание этого термина. В.А. Бачинин, обобщая различ-

ные подходы к этому конструкту¹⁵, пришел к выводу, что дискурс – это условный комплекс, включающий в себя как стиле-речевой компонент, так и особенности мировосприятия и мировоззрения, набор исследовательских методов, способов доказательств и т. д.¹⁶

Если говорить собственно о религиозном дискурсе, то, например, Е. В. Бобырева определяет его в узком смысле как совокупность речевых актов, которые используются в религиозной сфере, а в широком смысле – как «набор определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере, совокупность рече-актовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов». М. К. Миронова под религиозным дискурсом понимает совокупность тематически соотнесенных текстов как актов коммуникации, нацеленных либо на приобщение человека к вере, либо на ее поддержание. А. М. Прилуцкий фиксирует это понятие как «совокупность коммуникативных действий или событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений».

На наш взгляд, последнее определение наиболее полно отражает объем понятия «религиозный дискурс», особенно если рассмотреть корпус входящих в него компонентов: *таинство*, как сакральный центр религиозной традиции; *профетическое откровение* – особую образно-вербальную форму коммуникации между отдельным человеком и Богом, сюда относят считающиеся богодухновенными *сакральные тексты* различных религий; *патристические тексты*, в силу древности и авторитетности авторов, обладающие определенной нормативностью; *богослужение* как религиозную коммуникативную ситуацию; *гомилетические жанры* – поучения, слова, проповеди, беседы; *теологическая литература*; *катехетические издания*, включающие различные жанры и направления религиозной литературы, направленной на религиозное просвещение верующих; *религиозную публицистику*, актуализирующую религиозную проблематику в художественной форме, и, наконец, т. н. «церковное просторечие», порожденное своеобразной конфессиональной субкультурой. А. М. Прилуцкий логично относит к пространству религиозного дискурса не только собственно речь и тексты, но и *действия*, как коммуникативные акты в религиозной сфере – таинство, богослужение и т. п. Естественным образом,

---

¹⁵ «В концепции дискурса присутствует многое от веберовского «идеального типа»: это скорее модель должного, чем сущего» (Бачинин В.А. Малая христианская энциклопедия: В 4 т. – Т. 1: Религиозная философия. – СПб.: Шандал, 2003. – С. 100).

¹⁶ Бачинин, В.А. Евангельские ценности в гражданском обществе. – СПб.: Алетейя, 2006. – 176 с.

понятием «религиозный дискурс» охватываются все явления и события, происходящие в этой сфере, поскольку они в той или иной мере являются актом коммуникации.

Развитие религиозного дискурса, подобно другим субвербальным дискурсам, обеспечивается функционированием многоуровневой знаковой системы. Это терминология, различные тексты в устной и письменной форме, иконы, символы (крест, изображение *рыбы* как древнего символа Иисуса Христа), артефакты (храмовые сооружения и предметы храмового убранства, одежда и головные уборы священнослужителей, объекты религиозного культа – свеча, кадило и т.п.). Сюда относятся формы ритуалов, различные телодвижения (поклоны, поднятие рук), а также церковное пение и музыка. С недавних пор появилось еще одно пространство религиозного дискурса – киберпространство как «особое измерение реальности, созданное посредством компьютерных технологий и существующее в искусственно созданной компьютерными программами среде»¹⁷.

Происходящие в религиозной сфере процессы зачастую вызывают изменения в знаковой системе, приводящие к дискурсной трансформации, вплоть до формирования нового, альтернативного дискурса, который начинает конкурировать с изначально существующим в данной религиозной системе «материнским» дискурсом. Отказ от общепринятой терминологии и замена ее новой зачастую способствуют отклонению от традиционного учения и появлению нового – определяемого теологами в качестве *ереси*, приводящей, в конечном итоге, к церковному расколу. Исходя из этого, ***конкуренстный религиозный дискурс можно рассматривать как комплекс коммуникативных действий или событий, базирующихся на иных, отличающихся от традиционных в данной религиозной системе, представлениях.***

Еще одним важным понятием, необходимым для раскрытия темы диссертации, является понятие ***социально-религиозные изменения***. Оно связано с другим, базовым понятием – социальные изменения, которые есть любого рода перемены, происходящие в течение какого-то времени в социальных общностях, группах, институтах, организациях, обществах в их взаимосвязях и взаимоотношениях между собой и с индивидами.

---

¹⁷ Забияко А.П., Воронкова Е.А., Лапин А.В., Пратына Д.А. и др. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций / А.П. Забияко, Е.А. Воронкова, А.В. Лапин, Д.А. Пратына и др. / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, библиотека журнала «Религиоведение», 2012. – С. 27.

Как социокультурное явление религия предстает в качестве социального института, объединяющего людей в единую социальную группу на основе общей цели, которая включает в себя как культурную, так и трансцендентную составляющие. Будучи таковой, религия является динамической системой, на которую распространяются законы и механизмы изменений, воздействующие на всякие социальные системы (структурно-функциональный анализ Т. Парсонса): внутри системы постоянно происходят изменения, ибо само равновесие социальной системы не есть неподвижность, а постоянное нарушение баланса связей и их воспроизводство¹⁸. Исходя из этого, *любые трансформации во взаимоотношениях и взаимосвязях, происходящие в религиозной сфере как социальной системе, можно определить как социально-религиозные изменения*, где слово «религиозные» указывает на специфику этого вида социальных изменений. Особенностью социально-религиозных изменений является то, что, зарождаясь иногда на уровне межличностных отношений или отдельных церковных институтов, они принимают кумулятивный характер и могут достаточно быстро привести к изменениям более высокого уровня, вплоть до глобальных социальных изменений, что мы и наблюдаем на примере церковных расколов XI и XVI веков.

В конце этого параграфа диссертации дается анализ критериев, по которым можно различить социально-религиозные изменения (объем, качество и цели), а также этапов развития конкурентного религиозного дискурса (появление и становление новой религиозной идеи; формирование нового теологического дискурса).

1.2. Дискурсная фиксация социально-религиозных изменений. В целях достижения единообразного понимания в диссертации дается определение основных понятий и терминов предмета исследования, таких как схизма, ересь, догмат, канон, церковь, конфессия, деноминация, секта, культ и т. п.

Социально-религиозные изменения, порождаемые конкурентными религиозными дискурсами, фиксируются через знаковую систему – в терминах, текстах, символах, ритуалах, богослужении, таинствах и т.п. путем создания в рамках имеющегося семиотического пространства знаковой системы иного, возможно, более высокого уровня. Причем, во многих случаях назвать такую систему действительно новой, оригинальной, достаточно сложно по причине, вероятно, завершенности христианской теологии «через достигнутую полноту

---

¹⁸ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – С. 93-153.

божественного Откровения»¹⁹. Следовательно, представлять Откровение в качестве длящегося процесса и на основании этого создать полноценную в своей новизне знаковую систему с сохранением основных христианских постулатов вряд ли возможно, а новые религиозные движения, утверждающие наличие «особого» вероучительного откровения, в итоге выходят за пределы христианства, образуя новую религию. Поэтому почти повсеместно мы видим лишь трансформирование уже существующих знаковых систем.

Тем не менее, религиозные движения, возникающие вследствие социально-религиозных изменений, в процессе создания теологического дискурса претендуют на формирование особого конфессионального кода, состоящего из семиотических единиц – знаков и символов. Это характерно для современных течений внутри протестантизма, либо выделившихся в результате раскола из существующих институциональных структур, либо спонтанно образовавшихся на общехристианских основах со своим собственным толкованием некоторых библейских положений. К таковым, например, можно отнести возникшее в недрах пятидесятничества харизматическое движение.

Зародившееся в 60-х годах прошлого века, оно так до настоящего времени не обрело сколько-нибудь законченного вероучения и формы. Однако, несмотря на отсутствие между различными харизматическими общинами согласия по вероучительным вопросам, внутри движения происходят процессы выработки своеобразной знаковой системы, необходимой для самоидентификации харизматов – «деноминационного (или конфессионального) кода», что по прошествии какого-то времени (возможно, не очень скорого) должно привести к созданию собственного теологического дискурса.

Главным элементом знаковой системы любого дискурса, в т.ч. религиозного, является термин, а критерием терминологичности той или иной лексической единицы является понятие. Говоря о религиозном знании, следует отметить, что оно начинается с общих представлений, которые используются для выражения богословских взглядов, а затем фиксируются в терминах, образуемых в результате теологической рефлексии. Религиозная терминология имеет свою неповторимую специфику, заключающуюся в том, что она, так или иначе, находится на границе апофатики и катафатики, зачастую претендуя на обозначение понятий, которые не могут быть сколько-нибудь полно отрефлексированы сознанием, но скорее интуитивно угадываются. Еще одной особенно-

---

¹⁹ Прилуцкий А.М. Дискурс теологии. – СПб.: Светоч, 2006. С. 21.

стью религиозной терминологии является то, что если в общем определении терминов последние, как правило, лишены эмоциональной окраски, то многие религиозные термины содержат выраженный эмоциональный компонент значения, при помощи которого, с одной стороны, дается оценка описываемого явления, а с другой – формируется отношение к этому явлению сторонников соответствующих религиозных взглядов. Яркой иллюстрацией сказанного могут служить эмоциональные коннотации, присущие термину «секта», анализу которого в диссертации отведено значительное место.

1.3. Конкурентные дискурсы в контексте эволюции религиозных институтов. В диссертации прослеживается появление и развитие конкурентных религиозных дискурсов, сопровождающих церковные разделения от зарождения христианства и до наших дней. В данном разделе с религиозоведческих позиций осмыслены события, связанные с появлением Древневосточных церквей, причины Великого раскола, иконоборчества, Реформации, современных расколов в РПЦ, лютеранстве, баптизме, пятидесятничестве и т. д. В результате нам открывается картина эволюции религиозных институтов, представляющая собой, с одной стороны, «нескончаемую борьбу с бесконечным количеством отклонений от христианского вероучения и культа»²⁰, а с другой – продолжающуюся вот уже две тысячи лет полемику христианских церквей между собой на основе собственного понимания догматов и церковных канон (конкуренция дискурсов).

Религиоведение, исследуя исторический, философский, психологический, антропологический и другие аспекты религии, сталкивается с проявлением внутреннего противоречия в разворачивании религиозного дискурса: стремлением к единству, целостности и одновременно – к разделению. Впрочем, это естественно и неизбежно, поскольку, согласно закону единства и борьбы противоположностей, бытие включает в себе противоречия: оно едино и множественно, вечно и преходяще, неизменно и изменчиво, покоится и движется (Платон, «Парменид»). В этом диалектическом противоречии просматриваются два аспекта: во-первых, противоречие между метафизическим бытием религии и ее онтологическим проявлением в земной реальности и, во-вторых, диалектическое противоречие внутри самого субъектно-объектного существования религии в материальном мире.

---

²⁰ Таевский Д.А. Христианские ереси и секты I-XX веков. - Словарь. – М.: Intrada, 2003. – С. 11.

Любые действия, рождающие церковные нестроения, всегда порицались Церковью как греховные и жестко осуждались. Отношение современной Русской Православной Церкви к расколам выражено, например, в «Основных принципах отношения к инославию Русской Православной Церкви»: «Отступление от законного Священноначалия есть отступление от Духа Святого, от Самого Христа»²¹. Данная норма представляет собой развитие идей и положений, сформулированных уже в период патристики.

Разногласия, в результате которых уже в ранней церкви образовывались конкурентные дискурсы, провоцировавшие появление различных направлений и течений, были преимущественно двух типов: догматические и канонические. Первые касались самих основ христианского учения, и с конца II века за ними закрепилось название «ереси», вторые – вопросов церковного управления; к разделением такого рода применялся термин «схизма», означавший в I-II вв. всякие церковные разделения. Затем, по мере развития религиозных институтов, отражавших эволюцию государства и общества, в собственно богословский клубок религиозных противоречий стали вплетаться политические и экономические элементы, еще ярче высветившие онтологическую связь церкви государства и общества. Рассматриваемые в диссертации личные причины расколов, появились еще раньше – на начальных этапах формирования церкви.

Существование множества богословских направлений и школ (александрийской, антиохийской, константинопольской, иерусалимской, римской) все время ставило под вопрос единство Церкви. Различные взгляды на некоторые библейские положения, зачастую приводившие к отклонениям от догматов, расшатывали сознание верующих и толкали их в объятия очередных ересиархов. Для приведения этих взглядов к единому пониманию и пришлось созывать соборы, на которых разрабатывалась и утверждалась система вероучения и культа, оценивались различные богословские концепции, определялись способы борьбы с ересями и т. д. Семь из них, наиболее авторитетных и представительных, проходивших в IV-XIII вв., православная церковь именует Вселенскими. Основной целью Вселенских соборов было установление единства Церкви. На них окончательно была определена догматика, а также сформированы канонические нормы и богослужебные правила, т. е. собственно ортодоксальный христианский дискурс. Однако Соборы не смогли окончательно

---

²¹ Основные принципы отношения к инославию Русской Православной Церкви. Единство Церкви и грех человеческих разделений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mospat.ru/ru/documents/attitude-to-the-non-orthodox/i/> (дата обращения: 23.03.10).

решить вопрос о единстве Церкви, и эта проблема существует по сей день. Ее мы можем наблюдать на примере РПЦ 20-х – 90-х годов XX века, когда от Московского патриархата отделились Истинно Православная, Польская Православная, Украинская Православная (Киевский патриархат), Украинская Автокефальная Православная, Эстонская Православная, Зарубежная Русская Православная Церкви и ряд других.

Во второй главе «Конкурентные религиозные дискурсы в истории русского православия» рассмотрены социально-религиозные изменения в русском православии на основе развития конкурентных дискурсов Нового и Новейшего времени (XIV – XX вв.).

2.1. Конкурентные религиозные дискурсы в русском православии XIV–XVII веков. Понятие «раскол» в русском православии в первую очередь связывают с разделением церкви в XVII веке вследствие реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. Однако в рамках исследования темы церковных разделений приходится констатировать, что самостоятельная Православная Российская Церковь сама появилась в результате конкурентных отношений с Константинопольской патриархией, фактически раскола (правда, слегка завуалированного). Укрепившись в качестве независимой централизованной структуры, Православная Российская Церковь, тем не менее, не обрела полного спокойствия. Правда, ее история всегда была полна духовных исканий, проявлявшихся в возникновении новых теологических систем и соответствовавших им конкурентных дискурсах (ересях), приводивших к разделениям и появлениям различных сект.

Первым исторически зафиксированным в дополнениях к Никоновской летописи 1004 г. фактом открытого недовольства некоторыми обрядовыми сторонами византийского христианства на Руси было выступление инок Адриана, а спустя 21 год – некоего Дмитра. По мнению некоторых исследователей, возможно, они проповедовали учение богомилов.

Во второй половине XIV века в северо-западных землях России зародилось еретическое движение, получившее название стригольников. Начавшись в Пскове, ересь перекочевала в Тверь и Новгород, а оттуда – в Москву, где и обосновалась на ближайшие полтора столетия, изменяя свои формы и содержание, но неизменно сохраняя одну и ту же тенденцию: дискурс данного движения носил выраженный полемический характер, что свидетельствовало о его конкурентной направленности.

В основе вероучения стригольников лежали канонические разногласия с православием, в некоторых случаях переходящие в нарушение общепринятых догматов: недовольство существующим состоянием церкви, ее структурой и иерархией; обвинение духовенства в симонии; несостоятельность обрядовой стороны православия; недостоверность священного предания и т. д. Дискурс стригольников утверждал, что под христианской церковью следует понимать лишь ту, в которой сохранились исключительно евангельские и апостольские традиции. Любой верующий, ведущий достойный образ жизни, имеет право толковать Священное Писание и проповедовать. Отрицали православные таинства, за исключением покаяния, да и то предписывали каяться в землю, а не перед священником. В своих радикальных проявлениях стригольники отрицали даже догмат о воскресении.

Своеобразными продолжателями дела стригольников стали жидовствующие – секта, основанная в 1470 г. евреем Схарией, принадлежащим к одной из ветвей иудаизма – караимству²². Учение Схарии основывалось на неприятии некоторых христианских догматов в ключе иудаизма: отрицание догмата о Троице, божественности Иисуса Христа и его воскресения. Исторический Иисус – не Бог, а обычный пророк, который умер и, будучи человеком, не мог воскреснуть, поэтому изображение Троицы считалось грехом. Жидовствующие отказались от духовной иерархии, праздновали субботу, практиковали обрезание, отвергали иконы на основании закона Моисеева, отрицали монашество как нарушение повеления Божьего «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1: 28), не принимали причастие. Таким образом, дискурс жидовствующих вполне оправдывал свое определение как ереси, поскольку серьезно посягнул на основополагающие догматы христианства в целом, и как секты – за отрицание важнейших православных канонов. Ересь жидовствующих исчезла с религиозно-культурной арены Руси в начале XVI столетия, но уже в XVIII в. вновь появились упоминания об иудействующих сектах, однако прямой связи с жидовствующими XV века не прослеживалось. Сегодня отголоски учения иудействующих можно наблюдать в дискурсах христианских

---

²² Караимство – от древнееврейского *микра* – писание. Антиталмудическое движение VIII в. внутри иудаизма, основателями которого стали портной из вавилонского города Иофахана Абу-Иса и некий Анан Бен Давид. Караимам были чужды почти все постановления Талмуда; они отрицали догматы иудаизма о приходе мессии и воскресении мертвых, о посмертном воздаянии и восстановлении иерусалимского храма. Известно, что Абу-Иса и Анан Бен Давид симпатизировали христианству и исламу и основывали свое вероучение не только на еврейских Писаниях, но и на Евангелиях и Коране. Кроме того, они привнесли в иудаизм элементы арабской философии VIII-IX вв. (Беленький М.С. Иудаизм. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1974. – С. 121-124).

мессианских общин, некоторых неопятидесятнических и харизматических конфессий, отчасти – у адвентистов седьмого дня.

Следующим в хронологии русского христианства представляет интерес конкурентный религиозный дискурс XVI в., именуемый греко-католичеством, или униатством (Брестская уния 1594 г.). Своеобразие этого явления заключается в том, что оно, хотя и касалось непосредственно церкви, но собственно религиозные причины раскола практически отсутствовали. Подоплекой униатства явились в чистом виде геополитические причины, а следствием – обострение и без того плохих отношений между православием и католичеством.

Изначально униатство декларировалось как простое подчинение римскому папе западнорусских православных приходов без изменения православной догматики и обрядов. Но вскоре православные епископы вынуждены были принять и некоторые католические доктрины, в частности, филиокве, идею чистилища, а затем и использование пресного хлеба в Евхаристии (что было одной из причин раскола 1054 г.), обряды и традиции, утверждение о том, что полная истина содержится только в католической вере и т. п.

С точки зрения католических историков, униатский дискурс представляет собой «восстановление единства католичества и православия в духе любви и совместной деятельности на благо всех верующих»²³. Однако это утверждение, так и осталось политическим лозунгом. На деле Брестская уния и сложившийся на ее основе новый религиозный дискурс породили резкое противостояние православных и униатов внутри митрополии, приведшее к разделению не только самой православной церкви, но и к трагическому расколу украинской нации по конфессиональному признаку. В декабре 1989 г. украинским греко-католикам разрешили получить государственную регистрацию. Это совпало с усилением антироссийских тенденций и стало началом католического возрождения в Украине. Обеспокоенная Московская Патриархия выступила с заявлением, что Ватикан распространяет свое влияние за счет православных. Ситуация еще более осложнилась, когда после распада СССР под лозунгами «Рим нам не отец, но и Москва – не мать» и «Самостийной державе – самостийную церковь»²⁴ в Украине образовались новые церковные юрисдикции – Украинская Автокефальная Церковь, Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата и Украинская Автокефальная Православная Церковь.

---

²³ Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 254.

²⁴ Петрушко В. Автокефалистские расколы на Украине в постсоветский период (1989-1997 гг.). – М.: Изд. Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1998. – С. 31.

Выйдя из состава Московской Патриархии, украинская часть православия подверглась дальнейшему расколу, что с неизбежностью происходит в подобных случаях. Таким образом, церковно-политический раскол 1596 г. продолжает существовать, хотя острота его на фоне современных политических условий не бросается в глаза.

Церковная реформа патриарха Никона, ставшая поводом к старообрядческому расколу, носила чисто канонический характер, хотя имелся и политический и личный подтексты. Исследователи его жизни отмечают, что, видимо, с юности он считал себя «богоизбранным», верил в свое высокое предназначение. Эта вера укрепилась в нем необычайно быстрой церковной карьерой и способствовала развитию непомерного честолюбия, властолюбия и склонности к деспотизму. Смысл церковной реформы сводился к унификации одного из элементов православного дискурса – установлению единообразия в обрядах, поскольку «объединенная российская церковь, родная сестра восточных церквей, не имела единообразного богослужебного чина и разнилась в этом от своих восточных собратий, на что постоянно указывали и Никону, и его предшественникам восточные патриархи»²⁵. С точки же зрения противников реформы, церкви навязывались совершенно чуждые ей учения и обряды. Поэтому когда Никон начал реализовывать свою реформу, многие увидели в этих обрядовых изменениях посягательство на самую догматическую и каноническую сущность церкви, т. е. фактически был создан конкурентный дискурс.

Новообрядчество окончательно утвердилось на т. н. Большом соборе 1667 г. при участии множества греческих архиереев, включая двух патриархов. С произнесением соборных анафем в адрес неподчинившихся, раскол стал свершившимся фактом; дальнейшее сосуществование реформаторов и старообрядцев в одной церкви сделалось невозможным: в русском православии сформировались и до сих пор действуют два конкурирующих дискурса. Известные последствия раскола не преодолены до сего дня. Несмотря на то, что Московский Патриархат на Поместном соборе 1971 г. снял анафемы Большого собора 1667 г., раскол не завершился, поскольку, по мнению старообрядцев, незаконно наложенные анафемы не имеют силы. Следовательно, говорят они, раскол может быть преодолен, если только «господствующая церковь» (новообрядцы) возвратится в лоно церкви истинной, т. е. старообрядческой, что, по понятным причинам, для РПЦ неприемлемо.

---

²⁵ Никольский М.Н. История русской церкви. – 4-е изд. – М.: Политиздат, 1988. – С. 129.

2.2. Конкуренционные отношения в религиозном дискурсе советского периода. После февральской революции ни общество в целом, ни церковь в частности за небольшим исключением не понимали, что привычные религиозно-философские воззрения исчерпали себя; на их место приходило что-то новое, пугающе непонятное... И это – не просто модификация старой модели государственно-церковных отношений, но новая философско-мировоззренческая парадигма, в политическом аспекте выразившаяся в идее жесткого государственного атеизма. В религиозном контексте – это попытка уничтожить религиозный дискурс, заменив его атеистическим.

Но и религиозный дискурс не остался неизменным. Политические и экономические потрясения, помноженные на кризис государственной церкви, вызвали социально-религиозные изменения, которые в своей критической точке взорвались целым рядом церковных расколов. Первыми отделились «катакомбники» – верующие, увидевшие в большевиках «сатанинскую власть», покинувшие официальную церковь и ушедшие по примеру первохристиан в подполье – (катакомбы). В 1927 году, как реакция на «Декларацию» м. Сергия (Страгородского), катакомбное движение приняло (в определенной степени) массовый характер, охватив почти всю страну.

Конкуренционные дискурсы различных течений катакомбной церкви, оставаясь в целом в рамках православия, по некоторым позициям отличались как от дискурса официальной церкви, так и между собой. Имеются в виду такие элементы дискурса, как откровения, проповеди и другие гомилетические жанры, катехетическая литература (чаще – рукописная или самиздатовская), церковное просторечие. Это объясняется вынужденной замкнутостью, оторванностью гонениями от вселенского христианства.

С 1990 годов небольшая часть катакомбных христиан легализовалась, вернее сказать, получили государственную регистрацию общины нового поколения, не знавшие подполья, но считающие себя преемниками Катакомбной Церкви (например, Православная Церковь Божией Матери Державная). Что касается «старых» катакомбников, то они, не признавая РПЦ МП, продолжают оставаться в подполье, ожидая неизбежных новых гонений.

Вслед за катакомбниками разделением подверглась и легальная церковь. Этому способствовала целенаправленная политика Советской власти: когда попытка покончить с религией “кавалерийской атакой” не удалась, большевики изменили тактику и попытались разрушить церковь изнутри. С этой целью

они начали работу по «подбору «лояльного духовенства» и проведению своеобразного «переворота» в церковном руководстве с целью внедрения туда этих лиц» (докладная записка ГПУ, рассмотренная на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 20 марта 1922 г.). В результате в российском православии произошел раскол и родилась просоветская «Живая Церковь» или «обновленцы», полностью контролируемые ГПУ и Политбюро ЦК ВКП(б). Конкурентный дискурс обновленчества вырос не на пустом месте. В русской церковной истории движение под названием «Союз церковного обновления» впервые появляется в Петербурге в 1905 году после докладной записки, поданной группой из 32-х петербургских священников из числа белого духовенства 15 марта 1905 г. митрополиту Петербургскому Антонию (Вадковскому). Идеи этого неформального «Союза» сводились к отделению Церкви от государства, созыву предельно представительного всеобщего поместного собора, отказу от учреждения Патриаршества, децентрализации Церкви, ее активному участию в общественной и государственной жизни, замене церковнославянского языка на живой русский язык.

В 20-х годах XX в. идеи «Союза церковного обновления» полностью реализовались в обновленческом дискурсе, ставшем, наряду с политической, одной из причин церковного раскола.

Причиной дальнейших разделений стала проблема преемственности церковной власти. Невозможность канонических законных выборов церковного руководства ввиду государственных репрессий вынудила патриарха Тихона передать высшую церковную власть путем «завещания» – письма с указанием троих кандидатов на пост Патриаршего Местоблюстителя. В свою очередь они, опасаясь ареста, также назначили себе преемников, каковых, в конечном итоге, набралось 12 человек. Впоследствии между некоторыми из них возникли разногласия, которые привели к очередным расколам – «григорианскому» (по имени архиепископа Григория (Яцковского), «иосифлянскому» (идейный руководитель митрополит Ленинградский Иосиф (Петровых), т. н. «бுவещине» (епископ Козловский Алексей (Буй) и др.

Если «григориане» в силу непродолжительности своей деятельности не сумели сформулировать собственный дискурс, то сторонники митрополита Иосифа (Петровых), инспирировавшего, по словам историка Д. Поспеловского, «самый яркий, крупный и упрямый» раскол, создали его и он на достаточно долгое время стал духовной основой «иосифлян» (формально иосифлянские

приходы в статусе легальной оппозиции официальной церкви просуществовали до 40-х годов XX в).

Доктринально «иосифлянский» дискурс не выходил за рамки ортодоксального православия, но его каноническая часть начала формироваться как протест против положений «сергиевской» «Декларации» и тем составила серьезную конкуренцию официальному церковному дискурсу. К примеру, он отвергал действительность таинств, совершаемых митрополитом Сергием и его сторонниками. Последователи митрополита Иосифа пошли еще дальше, называя «сергиан», сатанистами²⁶.

И православные, и светские исследователи отмечают, что в конкурентном дискурсе «иосифлян» преобладали политические мотивы. В частности, М. В. Шкаровский писал, что иосифлянское движение с самого начала приобрело политическую антиправительственную окраску, выйдя за чисто религиозные рамки. А митрополит Иоанн (Снычев) прямо утверждал, что в основе идеологии иосифлянского раскола лежит «отрицательное отношение к отечественной советской действительности, а церковно-канонические мотивы лишь внешняя оболочка»²⁷.

Отчасти с такими трактовками можно согласиться, учитывая политические обстоятельства, которые побудили митрополита Сергия сделать шаг, спровоцировавший раскол, размах репрессий в отношении Церкви и верующих, а также то, что «иосифляне», в отличие от «катакомбников», представляли собой легальную оппозицию признанному и поддерживаемому властями сергиевскому Синоду. Видя, как ОГПУ целенаправленно раскалывает Церковь, они не могли не противиться такой политике большевиков, что и использовала власть, переводя церковный конфликт в русло «борьбы с контрреволюцией». Однако, считать это ядром их конкурентного дискурса, на наш взгляд, было бы неправильным. В основе отхода епархий стояли именно церковно-канонические причины: незаконное использование митрополитом Сергием местоблюстительской власти, неканонические перемещения и отстранения епископов, допущение вмешательства властей во внутрицерковные дела.

Любые социально-политические изменения, особенно таких масштабов как революции и гражданские войны, неизбежно откликаются в религиозной среде, вызывая в ней центробежные тенденции. Многократно эти тенденции

---

²⁶ ЦГА ОР. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 13 (май 1929 – январь 1930).

²⁷ Шкаровский М.В. Иосифлянское движение и оппозиция в СССР (1927-1943) // Минувшее. Исторический альманах. – М.-СПб.: АТНЕНЕУМ-Феникс, 1994. – С. 450.

усиливаются во время геополитических процессов, сопровождающихся территориальными разделами стран. Это объясняется, во-первых, стремлением сепаратистских кругов к государственной независимости, вслед за чем националистически настроенная часть клира и мирян также начинает требовать, как минимум, автономии, а, как максимум, – автокефалии. Во-вторых, желанием политических и религиозных деятелей получить свою долю власти. События, развернувшиеся на Украине после 1917 года, в полной мере подтвердили этот тезис.

Конкурентный дискурс украинских религиозных сепаратистов строился на следующих административно-канонических постулатах:

- существовавшая до сих пор на Руси церковная организация, воспринятая от Византии, исповедовала не православие, а цареславие и панославие, т. е. служила орудием прославления царя и панов (помещиков), но не снисходила к нуждам и интересам простого рабочего люда;

- новая украинская церковь будет крестьянской и рабочей;

- она будет управляться не епископами на началах монархических, а самим народом через посредство приходских, волостных и уездных собраний и советов (рад), причем каждый уезд будет соответствовать и епархии, ибо будет иметь своего архиерея;

- возглавляться будет украинская церковь Всеукраинской церковной радой и Всеукраинским церковным собором, созываемым Радой через каждые пять лет на праздник Покрова Пресвятой Богородицы;

- в управлении церковью везде будет проведено выборное начало: священников будут избирать приходские собрания, епископов – уездные, а митрополита Киевского и всея Украины будет избирать Всеукраинский церковный собор или, по его уполномочию, Всеукраинская церковная рада;

- епископат в церковном управлении может иметь только совещательный голос; область деятельности его ограничивается рукоположением избираемых приходами священников и благолепным отправлением архиерейских служений.

В богослужебной области главнейшим и основным требованием устанавливалось произнесение всех церковных служб на украинской «мове», причем, конечно, предполагалось, что необходимые для этого книги должны быть пе-

реведены с церковнославянского языка на «мову»²⁸, что придает своеобразный колорит этому конкурентному дискурсу.

К другим элементам нового дискурса можно отнести отмену обязательного повседневного ношения священнического одеяния (разрешалось ходить в *партикулярном платье* – любой приличной одежде по желанию); отменялось обязательное ношение длинных волос и бород; разрешались разводы с женами, а также вторые и третьи браки с соблюдением норм большевистского законодательства (!); отменялись привилегии монашества: занимать епископские кафедры могли женатые лица из числа белого духовенства. Столь вольное обращение с церковными канонами не могло быть одобрено мировой православной общественностью, поэтому, несмотря на попытки украинцев найти признание других автокефальных церквей, они так и остались одинокими в своих притязаниях. Подводя итог анализу появления и развития конкурентных религиозных дискурсов в русском православии первой четверти XX века, можно сказать, что на их формирование практически в равной степени влияли как собственно религиозные причины, обусловленные, в основном, различным толкованием православных канонов, иногда – догматов; определенную роль играл также личностный фактор, так и политические (революция, смена политического режима и в связи с этим – отношение власти к религии, непрекращающиеся гонения, особенности подпольной деятельности церкви).

2.3. Православие первой половины XX века за рубежом. Русская Церковь вот уже около двух веков имеет свою зарубежную часть. Проповедь христианства в Азии повлекла создание миссий в Китае и Японии, с течением времени выросшие в епархии. В дальнейшем миссионерская деятельность перекинулась на языческое население Алеутских островов и Аляски, где также были созданы миссии для Северной Америки, ставшие затем епархиями.

В Западной Европе с XVIII века при посольствах существовали православные церкви; впоследствии такие церкви начали строить в местах проживания либо временного пребывания русских. Духовные миссии имелись также в Иерусалиме и Корее. По состоянию на 1921 г. насчитывалось 15 заграничных округов, окормлявшихся русскими епископами, и 14 районов, где имелись русские православные приходы, но не было епископов.

---

²⁸ С подачи «Рады» Всеукраинский церковный собор 1921 года осмеяние «мовы» приравнял к хуле на Духа Святого; провинившийся подлежал отлучению от Церкви (Соборные постановления, гл. VIII, § 2) (Автокефалистские расколы в Украине. История [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ukrstor.com/ukrstor/zarinnyj_dwizhenije.html (дата обращения: 5.03.2010).

Революция, затем Гражданская война разделила страну на части. Зарубежные миссии и епархии оказались лишенными возможности нормального сообщения со своим высшим руководством, а внутри России часть епархий фронтами были полностью отрезаны от церковного управления. На территориях, занятых белыми, образовались временные Высшие церковные управления, «отделенные от Патриарха Тихона географически и политически, но еще не юридически». Они были организованы без указаний сверху, в силу необходимости по местной инициативе. После разгрома армий Деникина и Врангеля они вместе с остатками войск ушли в Константинополь, а в 1921 г. – в Сербию, где и был образован Синод Русской Православной Церкви Зарубежом (РПЦЗ).

Поначалу о создании какой-то новой церкви речь не шла, поскольку эмигрантское духовенство рассчитывало вернуться в Россию после «скорого падения большевизма». Но когда за рубежом поняли, что в ближайшем будущем этого не произойдет, стал меняться дискурс РПЦЗ, который до данного времени не выходил за рамки традиционного для российского православия. Если такие элементы дискурса как таинства и литургия остались неизменными, то Священные Предания, да и само Священное Писание стали толковаться уже по-другому – под влиянием дискурсных изменений, обусловленных ухудшением отношений с материнской церковью. Изменился также характер проповедей, в которых теперь особо подчеркивалась правота канонического курса РПЦЗ и отход от такового Московского Патриархата. Изучая религиозную публицистику РПЦЗ, приходишь к выводу, что почти вся она посвящена догматической и канонической полемике с РПЦ МП. Если в СССР религиозный дискурс формировался под влиянием «Декларации» м. Сергия, то конкурентный дискурс РПЦЗ создавался, исходя из буквы и духа постановления Патриарха Тихона и соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета № 362 от 20.11.1920 г. о мероприятиях на случай прекращения своих церковно-административных функций. Суть этого документа заключалась в том, что в указанном случае епархиальные архиереи могут организовывать высшие органы церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях, либо, если невозможно установить связь с другими епархиями, епархиальный архиерей самостоятельно организывает все управленческие структуры и принимает на себя всю полноту высшего церковного управления. Этот документ стал правовой основой для образования

целого ряда самостоятельных церковных структур, как в начале XX в., так и сегодня, включая РПЦЗ.

Таким образом, РПЦЗ, появившись в начале в результате политических причин, затем, после официального упразднения ее в апреле 1922 г., фактически ушла в канонический раскол, не подчинившись решению органов своего высшего церковного управления и использовав вышеуказанный документ как юридическое закрепление уже свершившегося факта. Сегодняшние уверения в том, что раскол преодолен, сильно преувеличены, поскольку в результате воссоединения РПЦЗ и РПЦ МП произошел новый раскол в самой Зарубежной Церкви. И несмотря на утверждения, что речь идет о единичных проявлениях недовольства со стороны «отщепенцев», факт канонического разделения свершился, и нам остается лишь следить за развитием очередного раскола.

Третья глава «Конкурентные религиозные дискурсы в современном православии» освещает проблемы церковных разделений, вызванных распадом СССР, изменения в РПЦЗ в связи с присоединением к Московскому патриархату, а также конкурентные отношения внутри Русской Православной Церкви.

3.1. Конкурентные религиозные дискурсы, вызванные распадом СССР.

Русская Православная Церковь так и не стала единой. Происходящие сегодня в ней процессы практически полностью повторяют аналогичные явления 20-40-х годов XX в., только в более «цивилизованной» форме. Ни у кого, наверное, не вызывало сомнений, что распад Советского Союза повлечет за собой изменения во всех сферах общественной, политической и духовной жизни как в России, так и в бывших союзных республиках. Добившись независимости, украинское политическое руководство обрушило на Россию целый поток обвинений: в голодоморе, репрессиях, физическом и духовном порабощении и т. п. Посему странно было бы ожидать, что новое государство будет мириться с тем, что украинская церковь находится в канонической зависимости от Московского патриархата, который через своих церковных иерархов неизбежно будет проводить в Украине промосковскую политику²⁹. Вследствие этого, когда в октябре 1989 г. епископ Житомирский и Овручский Иоанн (Боднарчук) объявил о создании Украинской Автокефальной Апостольской Православной

---

²⁹ «Украинская автокефальная православная церковь, - сказал Анатолий Красиков, - это выражение непоколебимой воли украинского народа окончательно освободиться от имперской (русской) Православной церкви, которая является инструментом духовного угнетения украинского народа, направленного на его полную русификацию и порабощение»

церкви, эту идею одобрил президент Леонид Кравчук. Администрация следующего президента – Леонида Кучмы – хотя формально и заняла позицию невмешательства в церковно-канонические вопросы, на деле создавала все условия для учреждения в Украине церковной иерархии, не зависимой от Московской патриархии. Однако создать единую украинскую церковь до сего дня не удалось.

В 1992 г. Архиерейский Собор РПЦ за целый ряд канонических нарушений лишает митрополита Филарета (Денисенко), главы Украинского Экзархата РПЦ, всех степеней священства и всех прав, связанных с пребыванием в клире. Последний переходит в УАПЦ, однако учиняет там раскол и создает новую структуру, назвав ее Украинская Православная Церковь – Киевский Патриархат. Эта структура – весьма неоднозначное и противоречивое явление. Причинами ее появления стала сама позиция РПЦ в украинской религиозно-политической ситуации и личные амбиции патриарха Филарета. УПЦ КП – также национальная церковь, но, в отличие от либеральной УАПЦ, ориентирована на власть, причем – на власть украинскую.

После смещения митрополита Филарета, Украинский Экзархат РПЦ стал называться Украинская Православная Церковь – Московский Патриархат, фактически единственная каноническая церковь Украины.

УПЦ МП – откровенно пророссийская церковь, в чем заключается и ее главная проблема. Она, в сущности, не принимает идею независимости Украины, а исповедует в качестве стратегической цели реставрации византийской православной традиции – «идею универсальной империи». Разумеется, эти установки не афишируются и официально УПЦ МП стоит на позициях лояльности украинскому государству и разделения его идеологии. Однако такое двойственное положение долго продолжаться не может. В недрах церкви есть русскоговорящие члены, осознающие себя, тем не менее, украинскими патриотами, что приводит их к определенным противоречиям с иерархией МП и ее установками. Кроме того, подрастает новое поколение верующих, процесс становления которых происходит уже в независимой Украине с учетом современных политических и духовных веяний и идей.

Таким образом, на сегодняшний день в стране конкурируют три вышеуказанные церковные структуры (не считая отдельных общин ИПЦ, ИПХ, катакомбников и т. п.), каждая из которых претендует на роль выразителя духовных нужд и чаяний украинского народа.

Продолжается дискуссия о создании единой поместной украинской церкви на основе нового, отличного от «московского», религиозного дискурса. Этот вопрос возникал на протяжении всего «самостийного» периода в жизни страны. Если в начале 90-х государство не было склонно форсировать этот процесс из-за опасности дестабилизации политической ситуации, а в 2000 г. президент Кучма говорил только о перспективе объединения православных церквей, то сегодня позиция властей свидетельствует о том, что эта идея рассматривается как наиболее приоритетная во внутренней и внешней политике государства. Президент Ющенко прямо заявлял, что «своя» церковь – «извечная мечта украинского народа». В своем ежегодном послании к Верховной Раде Украины от 9.02.2006 г. он назвал конституирование Украинской поместной православной церкви насущной необходимостью, продиктованной временем. Однако самой крупной православной церковью остается УПЦ МП, которая, выражая интересы своего московского руководства, не принимает идеи объединения, а лишь требует покаяния и возвращения под омофор Патриарха Московского.

Как разрешится проблема единой украинской церкви, покажет время. Это касается и церковных проблем всего постсоветского социокультурного пространства.

3.2. РПЦ МП И РПЦЗ: единство или конкуренция? Русская Православная Церковь Заграницей практически с момента своего зарождения стала непримиримым противником сначала политики митрополита Сергия, а затем – воссозданного в 1943 г. Московского патриархата. Идеолого-апологетическая полемика двух конкурентных дискурсов продолжалась все семьдесят лет существования Советской власти. Однако до 80-х годов эта борьба велась, в основном, «заочно», на страницах журналов и в теле- и радиопередачах.

В 1980-х Зарубежная церковь стала рукополагать епископов для Катакомбной церкви, а в 1990 году открылся первый приход РПЦЗ в России; за год их число возросло до шестидесяти. Через вновь созданные внутри России структуры РПЦЗ стала активно транслировать на российских верующих суть своих дискурсных разногласий с МП, что отнюдь не способствовало повышению престижа последней. На указанный период (начало 90-х) их смысл сводился к следующему:

1. Московская патриархия, идейно родившаяся в результате Декларации митрополита Сергия (Страгородского) и существующая официально после

личного разрешения Сталина в 1943 г., не раскаялась в «ереси сергианства» и продолжает существовать в тесном контакте с безбожным государством. Это рассматривается как ектесиологическая ересь – попрание внутренней свободы и достоинства Церкви.

2. Отношение к новомученикам российским – царской семье и священнослужителям и мирянам, пострадавшим за веру в 20-40-х годах и много лет именовавшихся патриархией «политическими преступниками»³⁰. В то же время, Московская патриархия продолжает «призывать Божие благословение на гонителей Христа», а также «совершает церковные моления об упокоении «со святыми» явных анафематствованных Всероссийским Собором безбожников».

3. Обвинение в экуменизме. Московская патриархия участвует в экуменических организациях – Всемирном Совете Церквей и Конференции Европейских Церквей, а, следовательно, подпадает под анафему, которой ересь экуменизм была предана Архиерейским собором РПЦЗ 1983 года, а затем подтверждена в 1998 г.

После снятия жесткого контроля Советского государства над Московской патриархией, появились предпосылки к воссоединению двух частей Православной церкви в соответствии с 362-м постановлением Патриарха Тихона и Священного Синода от 7/20 ноября 1920 г. (см. раздел 2.3.). Пункт 10 данного постановления гласит: «Все принятые по местам, согласно настоящим указаниям, мероприятия, впоследствии, в случае восстановления центральной церковной власти, должны быть представляемы на утверждение последней. Таким образом, если следовать его букве, то РПЦЗ должна отчитаться перед МП за проделанную в течение 70 лет работу и войти в ее подчинение. Понятно, что существует множество аргументов против такого акта, но в 90-х годах XX века отпала главная причина создавшихся между частями церкви отношений – прекратились гонения, контроль над церковью и восстановилась высшая церковная власть. Поэтому вопрос о воссоединении не мог не возникнуть, пусть пока на уровне идеи и в узких кругах.

Эта идея определила весь ход церковной жизни РПЦЗ начала XXI в.

Первый параграф «Положения о Русской Православной Церкви Заграницей» гласит: «Русская Православная Церковь Заграницей есть неразрывная часть Российской Поместной Церкви, временно самоуправляющаяся на со-

---

³⁰ Мосс В. Православная Церковь на перепутье (1917-1999). – СПб: Алетейя, 2001. – С. 318.

борных началах до упразднения в России безбожной власти в соответствии с постановлением Св. Патриарха, Св. Синода и Высшего Церковного Совета Российской Церкви от 7/20 ноября 1920 г. за № 362». Один из спорных для русского зарубежья вопросов, помимо догмато-канонических претензий к Московской патриархии, как раз в том и заключался: осталась ли власть в России безбожной (на 90-е годы XX в.), или же таковая упразднена и появились основания для исполнения приведенного параграфа «Положения об РПЦЗ», ну а в конечном итоге и пункта 10-го постановления Патриарха № 362? Разногласия в ответе на этот вопрос стали одной из причин нынешнего раскола Зарубежной церкви.

Внутри церкви начали образовываться группировки во главе с крупными иерархами, поддерживающие или критикующие ту или иную позицию церкви. В 2001-2002 гг. был организационно оформлен раскол: бывший Председатель архиерейского синода РПЦЗ Виталий и его сторонники образовали структуру, названную «Русская православная церковь в изгнании» (РПЦИ), которую поддержала большая часть российских «альтернативных» церквей. Однако неофициально она продолжает именоваться РПЦЗ(В) – Виталий, в то время, как структура, возглавляемая митрополитом Лавром, называется РПЦЗ(Л).

Тем не менее, работа по воссоединению лояльной к МП части Зарубежной церкви продолжалась. После многолетних переговоров и консультаций 17 мая 2007 г. в храме Христа Спасителя в Москве патриарх Алексий II и митрополит Лавр подписали «Акт о каноническом общении», где сказано, что РПЦЗ «пребывает неотъемлемой самоуправляемой частью Поместной Русской Православной Церкви» и «самостоятельна в делах пастырских, просветительных, административных, хозяйственных, имущественных и гражданских, состоя при этом в каноническом единстве со всею Полнотою Русской Православной Церкви».

Отколовшаяся же часть Зарубежной церкви остается на прежних позициях непризнания Московской патриархии, поскольку она «не раскаялась в ересьх сергианства, экуменизма, вышеперечисленных отступлениях от веры и нравственности, в сотрудничестве с врагами Бога и Св. Церкви и продолжает упорствовать в этом зле, вводя в великое заблуждение и обман верующий народ».

3.3. Внутрицерковные конкурентные отношения в Русской Православной Церкви конца XX – начала XXI веков. Параллельно с МП в России

существуют православные институциональные структуры, именуемые «альтернативными». Точное число таких независимых православных структур установить сложно ввиду неопределенности критериев отнесения некоторых объединений к таковым (например, как считать общины, существующие самостоятельно, но имеющие одинаковое название – «истинно-православные»). Автор настоящей работы определяет количество таких структур в пределах пятнадцати. По мнению же А.Н. Лещинского, их более тридцати.

Катакомбная церковь стоит в оппозиции «официальной» церкви примерно с 1922 года, возникнув вначале как реакция на большевистские гонения в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей, а затем – с антиобновленческим протестом. Еще одна волна ухода в «катакомбы» прокатилась в 1923 г., когда, по их мнению, Патриарх Тихон пошел на компромисс с Советской властью (группы архиепископов Волоколамского Феодора (Поздиевского), Уфимского Андрея (кн. Ухтомского) и др.

Другие самоназвания Катакомбной церкви – Истинно-православная церковь и Церковь истинно-православных христиан.

Единой организационной структуры у катакомбных образований нет. Существует несколько десятков иерархий, общин, подпольных монастырей. Помимо этого по всей стране разбросаны отдельные никому не подчиняющиеся священники со своей немногочисленной паствой, монахи и просто группы верующих.

Кроме Катакомбной церкви, в России в конце 80-х – начале 90-х годов XX века образовался целый ряд легальных православных структур, не входящих в юрисдикцию Московской патриархии и не признающих ее. Одни (по словам своих лидеров) вышли из Катакомбной церкви (например, Российская православная католическая церковь³¹); другие обособились от Зарубежной церкви (Российская православная автономная церковь (ныне покойный митрополит Валентин (Русанцов)³², Русская православная церковь в изгнании (митрополит Витали (Устинов); третьи изначально образовались как независимые иерархии (Истинно-православная церковь (митрополит Рафаил (Прокофьев)³³).

Особенностью указанных церковных структур является то, что все они либо имеют в названии, либо упоминают в своих уставах словосочетание «ис-

---

³¹ Глава церкви митрополит Михаил (Анашкин) утверждает, что она принадлежит к «даниловской» ветви Катакомбной церкви.

³² Прежнее название – Русская православная свободная церковь.

³³ Прежнее название – Российская православная соборная церковь.

тинно-православная», подразумевая под этим преемство от ИПЦ 20-40-х годов XX в.

К другой особенности можно отнести последовательную критику Московской патриархии и не менее последовательную борьбу с ними последней, причем с использованием всех мыслимых методов – от апологетических до физических.

Если говорить о дискурсах этого типа церковных организаций, то они ничем (за некоторым исключением) не отличаются от своих предшественников, т. е. Истинно-православной церкви 20-х годов XX в. – «легальной» оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). Дискурсные разногласия вытекают, основном, из канонических оснований: обвинения в адрес МП в преемственности от «сталинской» церкви, нежелании покаяться за связь с гонителями Церкви, в безблагодатности, раболепствовании перед светскими властями.

Что касается догматики, то в целом альтернативные церкви не расходятся в этом с мировым православием, разве что иногда делают в своих дискурсах чрезмерный крен в сторону некоторых православных догматов (например, Церковь Божией Матери Державная, где культ Богородицы в какой-то мере ставится даже выше Иисуса Христа).

В отдельных случаях усматриваются причины также и личного характера. Особенно это проявляется, когда новые церковные структуры создаются клириками, которых по тем или иным причинам либо изгоняют из РПЦ, либо сами выходят из нее, будучи непонятыми в своих стремлениях. Разумеется, эти психологические факторы вуалируются и отрицаются самими заинтересованными лицами, но беспристрастный анализ с несомненностью их выявит.

Каковы более отдаленные последствия этих конкурентных дискурсов? Исходя из динамики развития новых православных структур, в частности, того, с какой скоростью они появляются, делятся, меняют названия, юрисдикцию и т. д., можно сделать вывод, что процесс их окончательного формирования еще не завершился. Обычно на это уходят десятилетия, если не больше. Какие-то исчезнут, некоторые вырождаются в маргинальные секты. Те же, кто выдержит жесткую межконфессиональную борьбу и прессинг властей, займут свое место либо среди автокефальных церквей (что вовсе не исключено), либо будут существовать как оппозиция РПЦ. Если же государство все-таки пойдет на признание одной конфессии в качестве своей идеологической основы, легальные церкви просто уйдут в подполье и пополнят ряды катакомбников. Тем

не менее, представляется, что подобные альтернативные православные образования, вероятно, будут существовать всегда.

В **Заключении** подведены итоги исследований конкурентных религиозных дискурсов и сделаны некоторые общие выводы, которые сводятся к следующему:

1. Известное взаимовлияние религии, общества и государства в силу разнохарактерности элементов, составляющих эту триаду, порождает некое внутреннее противоречие. На определенном историческом этапе в процессе взаимопроникновения столь несоответствующих друг другу систем, противоречия в обществе, государстве и религии достигают некоторой критической точки, после чего можно ожидать *социальных изменений*, например, в форме политической революции (если противоречия в большей степени накопились между обществом и государством), либо революции религиозной (если критическая масса противоречий перевесила в духовно-психологической сфере).

2. Религиозные революции – церковные разделения (расколы) – представляют собой радикальную форму *социально-религиозных изменений*, которые можно рассматривать как любые трансформации во взаимоотношениях и взаимосвязях, происходящие в религиозной сфере, как социальной системе, где слово «религиозные» указывает на специфику этого вида социальных изменений.

3. Социально-религиозные изменения можно определить по ряду критериев, например, по объёму, качеству и целям. Изменения могут быть направлены на внутренние преобразования религиозной структуры, не затрагивающие ее целостность, могут также приводить к значительным преобразованиям, вплоть до изменения самой структуры. В случае охвата изменениями всей или большей части религиозной сферы, речь можно вести о глобальных процессах.

Качественная сторона социально-религиозных изменений выражается, например, в создании новых религиозных институтов, внедрении нового образа жизни верующего, новом понимании основополагающих религиозных доктрин.

Применительно к целям, социально-религиозные изменения можно разделить на процессы, направленные на изменение *личности* верующего и на изменение собственно *религиозных структур*.

4. Социально-религиозным изменениям предшествует появление *конкурентных религиозных дискурсов*, рассматриваемых в качестве некоего услов-

ного комплекса, включающего в себя коммуникативные действия и события, направленные на приобщение к религиозной вере и развитие религиозных представлений, *основывающегося на иных по отношению к данной религиозной системе представлениях.*

5 Конкурентные религиозные дискурсы представляет собой сложное явление, неизбежно возникающее в процессе эволюции религиозной общности под влиянием как внутренних (вероучение, культ), так и внешних (процессы социальной динамики) предпосылок.

6. Последствия конкурентных религиозных дискурсов отражаются как на внутренней жизни религиозных сообществ (церковные расколы, появление новых религиозных систем), так и на судьбах стран и народов (политический, социальный и религиозный раздел мира на Восток и Запад в XI в.).

7. Религиозные трансформации, вызванные конкурентными религиозными дискурсами, объективно способствуют распространению христианства. Это подтверждается всей историей Церкви: каждый новый раскол активизирует миссионерскую деятельность, что сопровождается появлением новых поместных церквей и количественным ростом их членов.

Основное содержание диссертации отражено в пятидесяти публикациях, в том числе в 5 монографиях и 12 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах:

Монографии

1. Погасий А.К. Церковные расколы в российском православии XIV – начала XX веков: монография / А.К. Погасий. – Казань: Изд. дом МедДок, 2009. – 291 с. (16,7 п.л).

2. Погасий А.К. Религия и право. Современные правовые основы обеспечения свободы совести и деятельности религиозных объединений: монография / А.К. Погасий, В.П. Синкевич / Науч. ред. М.Г. Ахмадеев. – Уфа: Изд-во Академии ВЭГУ, 2010. – 176 с. (10,1 п.л).

3. Погасий А.К. Научные школы Казани о раннем христианстве (XIX – начало XX вв.): монография / А.К. Погасий – Saarbrücken, Germany: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2011. – 330 с. (16,8 п.л).

4. Погасий А.К. Церковные расколы. Историко-религиоведческие исследования: монография / А.К. Погасий – Saarbrücken, Germany: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2011. – 396 с. (20,1 п.л).

5. Погасий А.К. Правовые вопросы свободы совести. Государственно-конфессиональные отношения: монография / А.К. Погасий. – Saarbrücken, Germany: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 2011. – 230 с. (11,7 п.л).

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях

6. Погасий А.К. Понятие «секта»: основные значения и правомерность употребления / А.К. Погасий, А.М. Прилуцкий // Религиоведение . – 2006 . – № 1 . – С. 164-170 (0,4 п.л).

7. Погасий А.К. Пятидесятничество и феномен «иных языков» в Новом Завете / А.К. Погасий, А.К. Нефедкин // Религиоведение . – 2007 . – № 1 . – С.12-21 (0,5 п.л).

8. Погасий А.К. Религиозные разделения и межконфессиональное понимание / А.К. Погасий // Религиоведение . – 2009 . – № 2 . – С. 110-114 (0,3 п.л).

9. Погасий А.К. Религиозные разделения как фактор мировой истории (к вопросу о типологии церковных расколов) / А.К. Погасий // Религиоведение. – 2009. – № 4. – С. 3-15 (0,7 п.л).

10. Погасий А.К. Типологизация и классификация церковных разделений в христианстве / А.Н. Лещинский, А.К. Погасий // Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 91-101 (0,6 п.л).

11. Погасий А.К. Религия и право в поликультурном пространстве: образовательный аспект / А.К. Погасий // Вестник ВЭГУ. Серия: Педагогика. Психология. – 2010. – № 1 (45). – С.31-33 (0,3 п.л).

12. Погасий А.К. Русское православие: внутренние противоречия на современном этапе / А.К. Погасий // Вестник ВЭГУ. Серия: История. – 2010. – № 6 (50) (0,4 п.л).

13. Погасий А.К. Церковные расколы как социальный фактор / А.К. Погасий // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 2. – С. 235-237 (0,3 п.л).

14. Погасий А.К. Социально-религиозные причины церковных разделений и их влияние на мировую историю / А.К. Погасий // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 3. – С. 189-192 (0,4 п.л).

15. Погасий А.К. Иконоборчество как фактор разделения церкви / А.К. Погасий // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3. – С. 114-117 (0,3 п.л).

16. Погасий А.К. Роль православных леворадикальных движений в церковных расколах 20-х гг. XX в. / А.К. Погасий // Религиоведение. – 2012. - № 1. – С. 47-50 (0,3 п.л).

17. Погасий А.К. Русская Православная Церковь и советская власть в 20-е годы XX века / А.К. Погасий // Вестник ВЭГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (60). – С. 97-103 (0,4 п.л).

Статьи и другие публикации

18. Погасий А.К. Христианство и познание: брошюра / А.К. Погасий. – Казань: Тан, 1992. – 46 с. (1,8 п.л.).

19. Погасий А.К. Государственно-церковные отношения: исторические параллели / А.К. Погасий // Материалы международной научно-практической конференции «Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции» (Казань, 2-3 октября 1997 г.). – Казань: Залман, 1998. – С. 56-57 (0,2 п.л.).

20. Погасий А.К. Церковь и государство: опасное сближение / А.К. Погасий // Материалы международной научной конференции «Протестантизм в Сибири» (Омск, 26-28 мая 1998 г.). – Омск: Полиграф, 1998. – С. 141-144 (0,2 п.л.).

21. Погасий А.К. К вопросу о понятии «секта» / А.К. Погасий // Материалы постоянно действующей всероссийской междисциплинарной научной конференции «Социум в преддверии XXI века: итоги пройденного пути, проблемы настоящего и контуры будущего». – Йошкар-Ола, 1999. – т.1. – С. 49-51 (0,2 п.л.).

22. Погасий А.К. Государственно-религиозные отношения: проблема подготовки специалистов / А.К. Погасий // Материалы международной научно-практической конференции «Инновационные образовательные технологии на рубеже XX – XXI веков» (Казань, 27-28 октября 1998 г.). – Казань, Унипресс, 1998. – С. 54-56 (0,2 п.л.).

23. Погасий А.К. Нарушение права на свободу совести как фактор, угрожающий целостности общества / А.К. Погасий // Вестник Татарского института содействия бизнесу. – № 1. – Казань, 1999. – С. 64-65 (0,2 п.л.).

24. Погасий А.К. Проблемы межконфессиональных отношений и пути их разрешения / А.К. Погасий // Материалы международной научной конференции «К культуре мира – через диалог религий, диалог цивилизаций» (Омск, 3-5 октября 2000 г.). – Т.2. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2000. – С. 49-52 (0,25 п.л.).

25. Погасий А.К. Церковь и государство / А.К. Погасий, Е.Я. Андурский // Материалы международной научно-практической конференции «Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий» (16-17 ноября 2000 г.). – Казань: Изд. Центр «Арт-кафе» ТРО ВОИ, 2001. – С. 282-285 (0,2 п.л.).

26. Погасий А.К. Трагедия митрополита Сергия / А.К. Погасий // Материалы международной научной конференции «Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии» (Спб, 9-10 декабря 2002 г.). – СПб: Изд. Дом «Невская Заря», 2002. – С. 177-181 (0,3 п.л.).

27. Погасий А.К. Христианство и культура / А.К. Погасий // Сборник научных трудов и материалов Четвертого международного симпозиума (24-27 мая 2004 г.). – Казань, Эксклюзив, 2004. – С. 200-203 (0,2 п.л.).

28. Погасий А.К. Православная Российская Церковь в 20-е годы XX века. Проблема церковного управления / А.К. Погасий // Труды 2-й Казанской международной научно-богословской конференции «Конец мировой истории» и современное состояние общественного сознания» (Казань, 25-26 октября 2002 г.). – Казань, 2003. – С. 182-190 (0,4 п.л.).

29. Погасий А.К. Факторы, влияющие на межконфессиональное понимание / А.К. Погасий // Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24 – 28 мая 2005 г.): в 5 т. Т.2. – М.: Современные тетради, 2005. – С. 656-657 (0,2 п.л.).

30. Погасий А.К. Русское христианство: две парадигмы / А.К. Погасий // Векторы толерантности: религия и образование: сб.статей / Под ред. Р.А. Набиева. – Казань: Магариф, 2006. – С. 133-135 (0,2 п.л.).

31. Погасий А.К. Патриарх Тихон и Советская власть: трагическое противостояние / А.К. Погасий // Acta eroditorum. Научные доклады и сообщения. Вып. 2 (2006) (Приложение к журналу «Вестник РХГА». – Т.3). – СПб.: Изд-во Русск. христианск. гуманитарн. академии, 2006. – С. 182-191 (0,5 п.л.).

32. Погасий А.К. По поводу одного документа из истории Русской Православной Церкви первой четверти XX в. // Избранные научные труды 2-й Казанской международной научно-богословской конференции «Конец мировой ис-

тории» и современное состояние общественного сознания» (Казань, 25-26 октября 2002 г.) – Казань, 2007. – С. 70–84 (0,7 п.л.).

33. Погасий А.К. Евангельское движение в Татарстане / И.П. Корнилов, А.К. Погасий // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. – Выпуск 5. – М.: Российское объединение исследователей религии, 2007. – С. 29-41 (0,6 п.л.).

34. Погасий А.К. Политико-догматические причины русского церковного раскола 1927 года / А.К. Погасий // Материалы VII Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX века» (Иваново, 13-14 февраля 2008 г.). – Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2008. – С. 163-169 (0,4 п.л.).

35. Погасий А.К. Толерантность как средство преодоления общественных и религиозных разделений / А.К. Погасий // Сборник материалов научно-практического семинара «Религия, толерантность и национальные отношения» (Казань, 18 января 2008 г.). – Казань: АртПечатьСервис, 2008. – С. 73-83 (0,6 п.л.).

36. Погасий А.К. Религиозные разделения и толерантность / А.К. Погасий // Перспективы философии в XXI веке: сборник научных статей и сообщений / Отв. ред. Л.А.Сыченкова, А.Б. Лебедев. – Казань, Изд. Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 101-104 (0,3 п.л.).

37. Погасий А.К. Либерально-гуманистические тенденции в современном протестантизме / А.К. Погасий // Сборник материалов научно-практической конференции «Кризисные явления в современном российском протестантизме и способы их преодоления» (Москва, 16 октября 2008 г.). – М.: Дух. Акад. СЕХР, 2008. – С. 21-33 (0,8 п.л.).

38. Погасий А.К. Русская Православная Церковь в 40-х годах XX века: завершение раскола или временное затишье? / А.К. Погасий // Материалы VIII Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX века» (Иваново, 11-12 февраля 2009 г.). – в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2009. – Ч. 1. – С.185-194 (0,5 п.л.).

39. Погасий А.К. Татарстан: религиозная составляющая общественно-государственной жизни / А.К. Погасий // Материалы республиканского симпозиума «Татарстан-2008» (Казань, 14 января 2008 г.) / Под ред. Б.М. Ягудина. – Казань: Intelpress+, 2009. – С. 58-62 (0,3 п.л.).

40. Погасий А.К. Современное административно-каноническое положение православных церковных образований, не входящих в подчинение Московского патриархата / А.К. Погасий // Материалы IX Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX века» (Иваново, 10-11 февраля 2010 г.) : в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. – Ч. 1. – С.10-18 (0,5 п.л.).

41. Погасий А.К. Религия, толерантность, нравственность / А.К. Погасий // Религиозная ситуация в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе России: сб. науч. ст. – Вып. VI. – СПб, б/и, 2010. – С. 49-55 (0,4 п.л.).

42. Погасий А.К. Русская зарубежная церковь в начале XXI в. / А.К. Погасий // Материалы X Международ. научн. конф. «Государство, общество, церковь в истории России XX века» (Иваново, 16-17 февраля 2011 г.): в 2 ч. – Иваново: Иван. Гос. ун-т, 2011. – Ч. I. – С. 320-326 (0,4 п.л.).

43. Погасий А.К. Религия в культуре или культура в религии? / А.К. Погасий // Казань на перекрестке эпох и культур: сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. проф. Л.В. Карцева. – Казань: Казанский государственный университет культуры и искусств, 2011. – С. 86-90 (0,3 п.л.).

44. Погасий А.К. Религиозные расколы в социально-политической и культурной жизни России / А.К. Погасий // Общественные науки. – 2011. – № 2. – С. 27-37 (0,6 п.л.).

45. Погасий А.К. Мораль в центре духовности? / А.К. Погасий // Труды международного научно-практического симпозиума-диалога светских ученых и теологов «Свобода совести и культура духовности (философско-этические, религиозные и культурологические аспекты)» (Пермь, 12-13 мая 2011 г.): в 2-х м. – Пермь: Перм. Гос. ин-т искусства и культуры, 2011, - Ч. 1. – С. 167-171 (0,3 п.л.).

46. Погасий А.К. Система ситуаций / А.К. Погасий // Ситуационные исследования: сб. ст. Вып. 3. Ситуационность бытия / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2011. – С. 53-56 (0,25 п.л.).

47. Погасий А.К. К вопросу о социальной роли религии / А.К. Погасий // Материалы Международной научно-практической конференции «Социальные функции религии в условиях модернизации общества: XXI век» (Москва, 1 марта 2011 г.). – М.: ИД «АТИСО», 2011. – С. 94-99 (0,3 п.л.).

48. Погасий А.К. Об употреблении некоторых религиозных терминов / А.К. Погасий // Материалы XI Международной науч. конф «Государство,

общество, церковь в истории России XX века» (Иваново, 15-16 февраля 2012 г.): в 2 ч. – Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2012. – Ч. 1. – С. 506-512 (0,4 п.л.).

49. Погасий А.К. Свобода мировоззрения: выбор пути / А.К. Погасий, Е.Я. Андурский // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий» (Казань, 13-14 октября 2011 г.) / Серия «Культура, религия и общество». Вып. 21 / Под общей ред. Р.А. Набиева. - Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – С. 90-93 (0,2 п.л.).

50. Погасий А.К. Антикультизм: генетическая патология или духовная нищета / А.К. Погасий // Материалы Международной научно-практической конференции «Новые вызовы свободе совести в современной России» (Москва, 26 июня 2012 г.). – М.: Изд. «Древо жизни», 2012. – С. 52-56 (0,3 п.л.).